

В. В. Алексеев

УРАЛЬСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ШКОЛА ИСТОРИКОВ (к 25-летию основания)*

Издавна Урал считался «опорным краем державы», где со времен Петра Великого ковалось оружие русской Победы. Широкое развитие получила здесь металлургия и другие отрасли промышленности, а вместе с ними и технические знания, но вплоть до конца 1980-х гг. отсутствовала академическая гуманитарная наука. В вузах возникали узкоспециализированные школы историков: византиеведения профессора М. Сюзюмова, историографии профессора О. Васьковского, истории КПСС профессора А. Бакунина и др., — но общеуральской исторической школы не существовало до создания Уральского отделения Академии наук СССР.

Формирование школы. 1 февраля 1988 г. по инициативе председателя УрО РАН СССР академика Г. А. Месяца был учрежден Институт истории и археологии (ИИиА), на базе которого за последнюю четверть века сформировалась общеуральская академическая школа историков России. Ее становление было сопряжено с рядом факторов, как благоприятных, так и неблагоприятных. С одной стороны, начавшаяся в стране перестройка, ослабление идеологических уз и активная поддержка Президиума УрО АН СССР (1991 г. — РАН) открывали широкие перспективы для развития исторических исследований. С другой стороны, развал Советского Союза, материальные и финансовые трудности, отсутствие опыта организации академической исторической науки на Урале и связей с зарубежными научными центрами, недостаток высококвалифицированных кадров, традиционная ангажированность местных гуманитариев партийной номенклатурой, а затем крутой поворот многих из них в сторону крайне либеральных позиций в истолковании прошлого затрудняли складывание новой научной школы.

Алексеев Вениамин Васильевич — академик РАН, директор Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: istor@uran.ru

** Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Урал в контексте российской цивилизации: геоэкономические, институционально-политические, социокультурные традиции и трансформации (теоретико-методологические подходы к изучению)»*

Наиболее трудным был первый год существования Института. Подбирались кадры, формировались научные направления, материально-техническая база. На работу принимались недавние выпускники Уральского государственного университета и ученые из других регионов страны. Крупный и, как показала жизнь, дееспособный «десант» высадился из Сибирского отделения АН СССР (Е. Артёмов, К. Зубков, Н. Миненко, И. Побережников, В. Тимошенко и др.). Происходил сложный процесс адаптации ученых в новом коллективе, с трудом решались проблемы их материально-бытового устройства, но взаимодействие разных научных школ дало хорошие результаты, надолго определив творческий почерк Института. К концу первого года в его штате числилось 39 научных сотрудников, в том числе 5 докторов и 20 кандидатов наук.

Параллельно разрабатывалась целевая научно-исследовательская программа «Исторический опыт регионального развития. Урал и сопредельные территории», в рамках которой шло становление научных направлений. Может возникнуть вопрос: а чем же занимались историки раньше, как не обобщением того же опыта? Различие кроется в уровне изучения. Необходимо отличать исторический опыт от традиционного исторического знания. Имея единое объективное основание в историческом процессе, они предполагают различные подходы к его осмыслению. Если последовательно изложить всю совокупность сведений о какой-то эпохе, то получится историческое знание о ней, но из него трудно извлечь практически полезную информацию. Если же попытаться ретроспективно оценить прошлое явление, особенно его альтернативные варианты, соотнести их с последующим развитием и современным состоянием, то проявятся определенные закономерности, которые можно использовать как исторический опыт. Обычно историки идут первым путем, в то время как жизнь все настойчивее выдвигает второй.

Первостепенная потребность в изучении исторического опыта возникает, как правило, на крутых поворотах истории и в тех регионах, где перемены проявляются ярче всего. Переломное время в стране, особая роль

Урала, где уникально переплелись общегосударственные закономерности и региональные особенности, как раз и определили необходимость разработки такой программы. Она состояла из пяти основных блоков исследований, нацеленных на обобщение исторического опыта демографического развития региона, развития сферы материального производства, духовного потенциала, социальной сферы и сферы социально-политической регуляции. В особый блок выделялось информационное обеспечение программы. При этом намечалось решение таких познавательных задач, как выявление социальных потребностей развития каждой из названных сфер общественной жизни; изучение процесса осознания потребностей, выбора целей развития, определения средств и способов их достижения; исследование деятельности по управлению развитием той или иной сферы, выявление основных тенденций и этапов этой деятельности, оценка эффективности управления.

Такая программа впервые разрабатывалась в стране. Она получила высокую оценку Отделения истории АН СССР и была положена в основу деятельности Института. В дальнейшем жизнь вносила серьезные коррективы в ее осуществление, особенно в условиях рыночных реформ, когда финансовые возможности Института оказались очень ограниченными, вследствие чего соисполнители из вузов практически потеряли возможность сотрудничать с ним. Тем не менее работы, выполненные в рамках данной программы, имели неизменный успех как внутри страны, так и на международных форумах, в частности на X Мировом конгрессе экономической истории в Лувене (Бельгия, 1990 г.) и на XVIII Мировом конгрессе исторических наук в Монреале (Канада, 1995 г.). В Монреале в моем докладе было охарактеризовано соотношение понятий «историческое знание» и «исторический опыт», впервые было дано определение исторического опыта, обозначены основные его функции и уроки. Особый интерес вызвал тезис о возможности прогнозирования развития, используя исторический опыт.

Спектр научных исследований академической школы чрезвычайно широк. Рассмотрим его отдельно на каждом из этапов ее развития (первый этап охватывает период 1988–1999 гг., второй — 2000–2012 гг.). Поскольку детальную характеристику всех результатов невозможно

дать в одной статье, ограничимся представлением лишь монографических публикаций.

На первом этапе (1988–1999 гг.) внимание было сосредоточено на истории традиционных отраслей экономики и культуры региона, на исследовании демографических процессов, региональных проблем и на изучении индустриального наследия. Главная задача заключалась в преодолении отживших концепций, в современной интерпретации основополагающих проблем, в постановке новых вопросов, в переходе к более высокому уровню обобщения исторического материала.

В имперском периоде анализировались: технико-экономический потенциал промышленности и ее отдельных структур, промышленная политика; взаимодействие технического и социально-экономического развития; ведущие тенденции складывания социально-профессиональной структуры региона, изменения социально-экономического и правового положения населения, занятого в индустриальном секторе экономики («Вопросы экономической истории горнозаводской промышленности Урала периода капитализма (1861–1917 гг.)». 1989; «Взаимодействие технического и социального прогресса в эпоху феодализма». 1989; «Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы». 1992; Сапоговская Л. Уральская горнозаводская промышленность на рубеже XIX–XX вв. 1993 и др.).¹

В изучении истории аграрного освоения восточных регионов России много внимания уделялось определению роли различных сословных групп сельского населения в освоении Урала и Сибири, реконструкции народного опыта хозяйствования, соотношению традиций и новаций в народной агрономии. Широкое отражение в исследованиях получили вопросы социальной истории крестьянства: развития институтов мирской организации и самоуправления, социальных взаимодействий и конфликтов, демографического развития («Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма». 1990; «Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII — первая половина XIX в.». 1991; «Власть, право и народ на

¹ В связи с большим массивом информации и ограниченным объемом статьи не указываются полностью выходные данные анализируемых трудов, в том числе место издания (тем более, что в подавляющем большинстве случаев это Екатеринбург). Поэтому названия работ даются в тексте, а не в подстрочных примечаниях.

Урале в эпоху феодализма». 1991; «Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма». 1992 и др.). Существенные результаты получены в изучении традиционных сегментов общества, их культуры и менталитета (Побережников И. Общественно-политические взгляды русских крестьян Сибири в период позднего феодализма. 1989; Миненко Н. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII — первая половина XIX в. 1991; Она же. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVII — первой половине XIX вв. 1991; и др.).

Впервые в историографии была осуществлена реконструкция русской крестьянской культурной традиции на Урале XVIII—XIX вв. Была выявлена многовариантность форм материальной и духовной жизни в регионе в целом, в отдельных его зонах и районах, а также устойчивые локальные особенности хозяйственных традиций, культуры жизнеобеспечения, семейного быта, календарной обрядности уральских крестьян XVIII—XIX вв. («Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII—XIX вв.». 1990). Этнокультурные взаимодействия на Урале рассмотрены на фоне процесса интеграции региона в состав Российского государства («На стыке континентов и судеб. Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах». 1996 и др.).

Важное значение для понимания цивилизационной специфики России имеет обобщающее исследование истории казачества восточных регионов страны («История казачества Азиатской России XVI—XX века». Т. 1–3. 1995. Гл. ред. В. В. Алексеев), в котором определяется место и роль казачества в присоединении и освоении восточных окраин России, представлена широкая панорама жизни и быта вольных казачьих общин, дается комплексная количественная и качественная характеристика казачества — его численности и размещения, демографического и этнического состава, социально-социальной структуры, экономического положения и хозяйственных занятий. В исследовании нашла отражение история казачества не только в имперский период, но и в советскую эпоху и постсоветский период (показано положение казачества после Гражданской войны, ликвидация казачьего сословия и жизнь казаков в эмиграции).

Изучено взаимодействие индустриального и аграрного секторов экономики в контексте

те модернизации. Данная проблема исследовалась в ходе совместной работы ученых Института и университетов Упсалы и Стокгольма (Швеция). Проведено широкое компаративное исследование истории шведской и российской металлургии в рамках концепции протоиндустриализации. Итогом российско-шведского проекта (рук. В. Алексеев, Р. Торстендаль) стала фундаментальная монография «Железодельные общества. Раннее индустриальное развитие в Швеции и России» (Оксфорд, 1998. Англ.).

Изучались факторы и формы интеграции аграрной периферии в горнозаводское производство, воздействие промышленных центров на деревню Урала и Западной Сибири в доиндустриальный период. Анализ показал, что, с одной стороны, аграрный сектор являлся существенным фактором промышленного подъема и экономического роста на Урале и Алтае, а с другой стороны, промышленные предприятия обуславливали серьезные перемены в аграрной сфере: в хозяйственном укладе, семье, общине, социально-сословном облике, культуре крестьян. Исследования позволили установить, что воздействие промышленного сектора на аграрный в целом носило противоречивый характер. Положительные стороны усматриваются в стимулировании развития сельского производства, совершенствования агрикультуры, роста его товарности, промышленной деятельности крестьянства, сельского предпринимательства и торговли. Тормозящая роль промышленности сказывалась в первую очередь в том, что через систему насильственной интеграции в заводское производство (приписка, использование труда крепостных) из деревни принудительно изымались значительные трудовые ресурсы, которые могли быть использованы в аграрном секторе (Голикова С., Миненко Н., Побережников И. Интеграция аграрного окружения в заводское производство (Урал и Западная Сибирь XVIII — первой половины XIX в.). 1995; «Крестьяне на заводах. Урал и Западная Сибирь XVIII — первой половины XIX в.». 1996 и др.).

В изучении советской эпохи на первом плане стояли индустриальные сюжеты. Процесс реализации доктринальной идеи размещения производительных сил, отождествляющей народное хозяйство с единым гигантским предприятием, на примере уральской промышленности проанализирован в моногра-

фии А. Бакунина и А. Бедея «Уральский промышленный комплекс» (1994). В монографии А. Антуфьева «Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны» (1992) на богатом фактическом материале показаны глубинные процессы, происходящие в промышленности региона в условиях экстремального состояния мобилизационного типа развития советской экономики.

Реализация проекта «Урал и индустриальные регионы мира» (рук. В. Алексеев) была направлена на создание широкого информационно-аналитического поля развития Урала как старопромышленного района со специфическими структурами и социальными проблемами, на основании которых регион был отнесен к типу депрессивных. Результаты исследований, осуществленных в рамках этого проекта, использовались при разработке нормативных документов по антикризисной политике Свердловской области. Пристальное внимание ученых и практиков привлекла специальная публикация «Зарубежный опыт антидепрессивной региональной политики» (1992), в которой проанализированы антикризисные мероприятия в США, Англии и Германии. Участие Урала в мирохозяйственных связях (1917–1941 гг.) представлено в монографии В. Тимошенко.

Группа демографов выступила с проектом «Население Урала». В рамках этой темы была организована VIII Всероссийская конференция по исторической демографии (Екатеринбург, 1992) и опубликованы ее материалы «Историческая демография. Новые подходы, методы, источники» (1992), а также издана монография А. Кузьмина «Семья на Урале: демографические аспекты выбора жизненного пути» (1993). Итогом работ по проекту явилась монография «Население Урала за 100 лет (1892–1992)» (1996). В ней обобщен исторический опыт демографического перехода в крупном военно-промышленном регионе России.

На перепутье между развалом СССР и становлением новой России началась серия национальных конфликтов в разных частях страны, поэтому пришлось обратиться к изучению истоков региональных проблем. В процессе фундаментальных исследований по проекту «Российская геополитика и социокультурные основы уральского регионализма в XX веке» (рук. К. Зубков) даны новые оценки содержания национальной и региональной политики

Советского государства в XX в., разработаны новые концептуальные подходы к изучению феномена регионализма в России. Результаты научных поисков были апробированы на Международной научной конференции «Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике» (1995).

Дальнейшие исследования в этом направлении осуществлялись в рамках российско-бельгийского проекта «Федерализм: правовое, политическое и институциональное многообразие» (рук. В. Алексеев, К. Манфлиет). Проведено несколько совместных семинаров (в Екатеринбурге и Лувене). Опубликовано два сборника статей — «Регионализм в России. Уральский пример» (1996. Англ.), «Институциональные аспекты регионализма в общеевропейском контексте» (1996. Рус., англ.), — которые вызвали большой интерес как в России, так и в Европе. В. Алексеев и К. Зубков были приглашены к участию в подготовке капитального труда с широким международным представителем «Основы теории и практики федерализма» (1999. Англ., рус.). Он получил международный резонанс и был встречен с большой заинтересованностью в России, где тогда активно выстраивались федеративные отношения. Итоги регионоведческих исследований Института подведены в книге В. Алексеева «Регионализм в России» (1999), где сформулированы авторские подходы к теоретическим, конкретно-историческим, демографическим, политологическим, культурологическим, экономическим проблемам регионализма, обозначены пути их решения.

Исследование сталинизма в отечественной историографии пополнилось работой А. Бакунина «История советского тоталитаризма» (Кн. 1, 2. 1996, 1997). Автор, вопреки своим предшествующим историко-партийным исследованиям, попытался постичь сущность этого феномена, разобраться в его природе, механизме его формирования и развития, в причинах внедрения в различные сферы социальной и культурной жизни.

Получила развитие и культурологическая тематика. Формирование интеллигенции Урала в контексте общественно-политической жизни 1930-х гг. прослежено в монографии Г. Адриановой «Художественная интеллигенция Урала. 30-е гг.» (1992). Работа выявила тесную взаимосвязь развития творческой личности и идеологических конструкций, заложенных в основание административной сис-

темы, призванной осуществлять контроль за деятельностью творческих организаций. Первым комплексным исследованием культуры Уральского региона в военные годы стала монография А. Сперанского «В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» (1996). Автором доказана уникальная роль Урала, ставшего не только «кузницей оружия», но и важнейшим центром, активно влияющим на укрепление моральных сил нации.

Впервые в России уральская академическая школа историков начала фронтальное изучение индустриального наследия. Особое внимание к данной проблеме вызвано тем, что современный мир находится на перепутье индустриальной и постиндустриальной эпох, а Урал обладает уникальными памятниками индустриальной культуры, имеющей мировое значение. Результаты исследований нашли отражение в серии публикаций как в России, так и за рубежом, а также в многочисленных докладах на международных форумах («Индустриальное наследие Урала». 1993; «Сохранение индустриального наследия. Мировой опыт и российские проблемы». 1994; «Опыт изучения и использования памятников индустриальной культуры России». 1995).

К числу актуальных работ рассматриваемого периода относятся исследования, посвященные одной из трагических страниц отечественной истории — гибели царской семьи на Урале летом 1918 г. Обнаружение в 1991 г. ее предполагаемых останков вызвало «цунами» дискуссий не только в России, но и за рубежом. Ответом на это стали две книги В. Алексеева — «Гибель царской семьи: мифы и реальность» (1993) и «Последний акт трагедии» (1996. Англ.), — а также большая серия статей, в которых представлены новые документы из ранее секретных архивов и поставлена задача исторической экспертизы обстоятельств гибели последнего императора России. Позднее был опубликован двухтомник уникальных рассекреченных документов о претендентах на верховную власть России с аналитическим разбором и подробными комментариями (Алексеев В., Нечаева М. Воскресшие Романовы?.. К истории самозванчества в России XX в. Ч. 1, 2. 2000, 2002).

На втором этапе (2000–2012) на первый план по значимости вышли теоретические проблемы изучения исторического процесса, поскольку стало очевидно, что с отказом

от марксизма-ленинизма историческая наука России оказалась в теоретико-методологическом вакууме. Именно этим был обусловлен отход от основополагающих проблем исторического процесса, стремление избегать обобщений и практически ориентированных выводов, что вело к падению авторитета исторической науки, которую не спасала так называемая «архивная революция». Это особенно рельефно проявилось в неспособности предложить объективную трактовку сущности российской истории XX в.

Уральская академическая школа историков нашла выход в том, чтобы объяснить отечественную историю с позиции цивилизационного своеобразия российских модернизаций, мучительного перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному, соотнесения новаций и традиций. На повестку дня вышли факторный анализ и математическое моделирование социальных трансформаций, сравнительный подход, предполагающий сопоставление изучаемых процессов в региональном, общероссийском и мировом контекстах, концепция фронтальной модернизации. Был издан ряд фундаментальных исследований и исторических энциклопедий, которые активно цитируются в российских и зарубежных публикациях.

Теоретические проблемы с привлечением огромного фактического материала российского и регионального масштаба рассмотрены в монографиях и во множестве статей (Алексеев В. Общественный потенциал истории. 2004; Побережников И. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. 2006; «Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.». 2000; «Россия в XVII — начале XX в.: региональные аспекты модернизации». 2006; «Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект». 2011; «Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу». 2011; «Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие микро- и макропроцессов». 2011). В них обоснована необходимость анализа процессов модернизации на различных общественных уровнях и установления соответствия (так же как и несоответствия, расстыковки) между ними, что обусловлено всеобъемлющим, многоплановым, многомерным характером мо-

дернизации. Выявлены факторы, вариации процессов модернизации на различных уровнях. Так, на мир-системном уровне ключевое значение имеет взаимосвязанность динамик развития различных обществ; на цивилизационном уровне в качестве дифференцирующих факторов выступают цивилизационно-культурные контексты, фундаментальные базовые (матричные) структуры и ценности, накладывающие отпечаток на цивилизационную динамику, в том числе модернизационную.

В итоге разработан теоретико-методологический подход на основе синтеза модернизационной и цивилизационной парадигм, ставший основой последующих исследований. Проведено комплексное изучение модернизаций в контексте цивилизационной динамики России XVIII–XX вв. Определены базовые параметры российской цивилизации; разработана теоретико-концептуальная модель модернизации в российском цивилизационном контексте; выявлены универсальные и цивилизационно-специфические параметры российских модернизаций, основные принципы функционирования, доминанты и этапы эволюции российской цивилизации; установлены каналы и степень воздействия цивилизационных структур на динамику, темпы и характер модернизации, а также, наоборот, влияние модернизации на культурно-цивилизационный облик России; определено соотношение эволюционных и революционных механизмов на разных стадиях модернизации. Так, установлено, что на протяжении имперского периода модернизация осуществлялась на основе эволюционных методов, обеспечивших protoиндустриализацию (начальную стадию раннеиндустриальной модернизации). Революционные методы широко применялись на протяжении XX столетия, когда действительно был завершён переход к индустриальному обществу, правда ценой гибели российской деревни. Катастрофизм трансформаций XX в. объясняется затянутостью предшествующего эволюционного периода, что и привело в результате к взрывному революционному столетию. Выявлена историческая вариативность воздействия научно-технологического прогресса на характер цивилизационной динамики.

Раскрыта роль геополитического фактора в обеспечении цивилизационной и региональной динамики России. Выявлены основные тенденции и этапы российских модернизаций в страновом и региональном измерениях, уста-

новлена вариативность региональных моделей модернизации. Разработана концепция фронтальной модернизации в контексте российской цивилизации. Дело в том, что цивилизационная специфика России способствовала обретению модернизацией фронтального характера. Российская евразийская цивилизация складывалась постепенно, на протяжении столетий, расширяя при этом свою территорию во всех направлениях. В подобных условиях цивилизационная пограничность обуславливалась наличием фронтальных зон, где имели место этноцивилизационные контакты. Зонами такого цивилизационного пограничья в рамках евразийской цивилизации длительное время являлись восточные регионы страны, в частности Урал и Сибирь.

В двухтомнике С. Нефедова и в коллективной монографии, написанной представителями академической школы историков и математической школы академика Н. Красовского (Нефедов С. История России. Факторный анализ. Т. 1, 2. 2010, 2011; «Факторный анализ исторического процесса». 2011) осуществлено фундаментальное исследование истории России с древнейших времён до начала XX в. В монографиях нашли отражение проблемы становления российской цивилизации, взаимодействия эндогенных и экзогенных факторов в процессе её складывания. Комплексное изучение демографического, технологического, а также географического факторов позволило С. Нефедову предложить так называемую «трехфакторную модель», в которой демографические циклы сочетаются с волнами завоеваний и диффузии. Выявлено соотношение этих факторов на протяжении имперской модернизации России в XVIII — начале XX в. Значение географического фактора сказалось в наличии свободных земель на южных и восточных её окраинах и в процессе колонизации, которая в значительной мере смягчала последствия роста населения. Расширение экологической ниши привело к тому, что демографический цикл XVII–XIX вв. оказался более длительным, чем известные европейские и восточные циклы. Технологический фактор находил выражение в диффузии европейских инноваций, ускорявших ход российских модернизаций на протяжении XVIII–XX вв. и оказывавших трансформирующее воздействие на природу российской цивилизации.

В коллективной монографии предложена имитационная модель экономики России кон-

ца XIX — начала XX в. на основе массивной базы статистических данных. Демографически-структурный подход, лежавший в основе предлагаемой балансовой модели, подразумевал учет основных показателей развития сельского хозяйства, в том числе важнейших его элементов — крестьянских и помещичьих хозяйств, а также демографических параметров. Большое внимание уделялось проверке достоверности информации. Был разработан алгоритм решения поставленной задачи, в котором экономическая динамика каждой из губерний (всего рассматривалось 42 губернии, о которых имеется достаточная статистическая информация) характеризуется примерно двумя сотнями параметров, причем некоторые из них имеют вид функций, описывающих распределение той или иной величины по группам крестьянских хозяйств. Имитационная модель позволяет проанализировать возможные альтернативы экономического развития России в конце XIX — начале XX в. Расчеты показывают, что такие меры, как отмена выкупных платежей или земельная реформа, существенно улучшают положение крестьянства, но в дальнейшем быстрый демографический рост приводит к падению потребления, и в итоге социальный кризис оказывается лишь отсроченным на 10–15 лет. Большого эффекта можно было бы достичь сочетанием крестьянской реформы и агротехнической модернизации: в этом случае кризис был бы отсрочен на более продолжительный срок, и, возможно, его бы удалось избежать, если бы аграрная модернизация сопровождалась быстрым расширением применения минеральных удобрений.

Особое направление исследований составило выявление роли эндогенных и экзогенных факторов в обеспечении модернизационной динамики России, в том числе поступательной и циклической составляющих; определение, каналов, механизмов и результатов проникновения зарубежного опыта в Россию. В серии научных трудов проанализирован исторический опыт взаимодействия российской и западноевропейской цивилизаций, осмыслены теоретико-методологические аспекты диффузионизма, выявлена роль диффузии как механизма модернизации, прослежены каналы и агенты распространения европейских инноваций в российском социуме нового времени, представлены модели взаимодействия традиции и новации в контексте модернизации,

процессы и результаты проникновения европейских инноваций в различные области российского бытия периода империи. Впервые в историографии комплексно проанализирована проблема распространения нововведений в контексте российских модернизаций на до- и раннеиндустриальной стадии на региональном материале, показаны закономерности и особенности процессов импорта и усвоения инноваций в промышленности, экономике, обществе, повседневности, их влияние на природу российских социальных институтов и систем культуры. Диффузионистский подход позволил представить историю России как череду модернизаций под воздействием приходящих с разных сторон диффузионных волн; при этом периоды модернизационных реформ сменялись периодами традиционалистской реакции (Алексеева Е. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.). 2007; «Диффузия европейских инноваций в Российской империи». 2009; «Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII — начало XX вв.)». 2011).

На базе теоретических разработок школы рассматривались конкретные проявления модернизации на общероссийских и региональных материалах практически во всех сферах жизнедеятельности — государственной, гражданской, демографической, индустриальной, аграрной, военной, научной, культурной, ментальной, повседневной. Наиболее крупные исследования посвящены индустриальной и аграрной сферам. Отличительная особенность уральской школы в рассмотрении индустриальной сферы заключается не только в изучении развития ее отдельных отраслей, но и в анализе промышленной политики в данной области, что принципиально важно для уяснения основных тенденций развития и оценки их практического значения (Алексеев В., Сапоговская Л. Исторический опыт промышленной политики в России. 2000; «Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв.». 2006). Авторы считают, что изучение промышленной политики предполагает комплексный анализ, во-первых, принципиальных основ и логики ее выработки; во-вторых, содержания предпринимаемых мер; в-третьих, методов и механизмов осуществления; в-четвертых, результатов, оцениваемых в кратко- и долгосрочной перспективе с точки зрения степени адекватности

потребности развития как промышленности, так и национальных интересов в целом. С этих позиций авторы рассматривают место и роль промышленной политики в динамике российской экономики, научные и институциональные основы ее формирования, особенности и направления осуществления.

Крупные результаты получены в исследовании истории уральской металлургии и ее индустриального наследия (Алексеев В., Гаврилов Д. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. 2008; Алексеев В., Алексеева Е. Металлургия Урала: история и наследие. 2011. (Фр.)). В первой монографии комплексно на протяжении более трех столетий рассматривается развитие металлургии огромного региона страны, включая все действующие в настоящее время и ранее существовавшие металлургические и металлообрабатывающие заводы. Выявляются основные особенности становления, развития и функционирования отрасли, предлагается новая трактовка общетеоретических и конкретных проблем ее развития и новый подход к концептуальной оценке отрасли в системе мирохозяйственных связей. Вводится в научный оборот большое количество информации (особенно по советскому периоду), ранее нигде не публиковавшейся.

Во второй монографии выявлено место уральской металлургии в истории мировой индустриальной цивилизации. Показана региональная специфика процессов складывания технологических, социальных, культурно-ментальных черт индустриальной цивилизации на Урале. Промышленное наследие представлено в совокупности результатов промышленной деятельности. Оно включает многокомпонентные заводские и горнорудные комплексы с производственной инфраструктурой, сложным оборудованием и технологией; военно-промышленный комплекс; многочисленные поселения; колоссально преобразованные естественные ландшафты; разветвленные транспортные сети; своеобразную социальную структуру; развитую систему выработки и передачи знаний. В орбите внимания ученых оказалась и специфическая горнозаводская среда с особым менталитетом, характером уральцев, отразившимся в их повседневности и художественном восприятии мира.

Несколько работ посвящено истории освоения горнорудных месторождений Урала, технологическим новациям в горно-металлургическом производстве, уральским заводчикам

и правовому положению горнозаводской промышленности (Гаврилов Д. Горнозаводский Урал XVII–XX вв. 2004; Рукосуев Е. Золото и платина Урала: история добычи в конце XIX — начале XX вв. 2004; Манькова И., Курлаев Е. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: у истоков российской промышленной политики. 2005; Курлаев Е., Корепанов Н., Побережников И. Техничко-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. 2011; Неклюдов Е. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. 2004; Он же. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX — начала XX века. 2011). Эти работы интересны привлечением многих уникальных архивных материалов, их сочетанием с археологическими данными и правовыми нормами.

Одним из важнейших результатов промышленной деятельности является обеспечение обороноспособности страны, достигаемое на основе ее модернизации. Военно-промышленному комплексу Урала и его вкладу в победу над врагами Отечества представители академической научной школы историков в последние годы посвятили ряд книг («Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней». 2008; «Военная история Урала: события и люди». 2008; Сперанский А. На войне, как на войне... 2012 и др.).

Наиболее фундаментальным трудом является монография «Щит и меч Отчизны». На ее страницах представлен процесс производства оружия в Уральском регионе от эпохи неолита (V–IV тыс. до н. э.) до сегодняшнего дня и его использование в военных конфликтах местного, локального и мирового значения. Авторы работы выявили закономерности и особенности организации и функционирования производства оружия на Урале, раскрыли тактико-технические характеристики выпускавшегося оружия, проанализировали эффективность его применения в период военных действий. Комплексный модернизационно-технологический подход, примененный учеными в данном исследовании, дал возможность рассмотреть военно-техническую историю Урала с точки зрения эволюции технологических процессов, оказывающих определяющее воздействие на развитие всей человеческой цивилизации.

В том же ключе необходимо рассматривать исследования по истории атомного комплекса

Урала (Артемов Е., Бедель А. Укрощение урана. 1999; Мельникова Н. Феномен закрытого атомного города. 2006). Несмотря на сложность получения материалов о закрытой отрасли, в названных книгах и в серии статей представлен подвиг советского народа — создание и развитие в тяжелейших условиях послевоенного лихолетья «оружия возмездия» в ответ на шантаж со стороны западных держав.

Уральскими учеными определены основные направления и результативность государственной научно-технической политики в контексте модернизации. В страновом и региональном измерении изучены основные этапы развития академической науки на Урале (Денисевич М., Зубков К. Наука и образование России: вызов времени. 1999; «Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале: документы и материалы. 1932–2002 гг.». 2002; Артёмов Е. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. 2006; «Академическая наука Урала. Очерки истории». 2007; «Академическая наука Урала. Стратегия и практика исследовательского поиска». 2012).

В исследованиях обоснована также значимость трансформации в аграрной сфере в рамках российской модернизации (агротехпереход), способствовавшей введению прогрессивных сельскохозяйственных технологий, интенсивных систем земледелия; сельской электрификации; внедрению научных достижений, новых орудий труда и усовершенствованной сельскохозяйственной техники; развитию рыночных отношений и кооперации; изменению типа воспроизводства сельского населения; демократизации общественно-политической жизни в деревне; преодолению консервативных экономических представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда; формированию в среде крестьянства кадров массовых профессий; изменению сельской поселенческой сети. Выявлены три периода аграрного перехода в российской деревне (конец XIX — середина XX в.; середина XX в. — конец 1980-х гг.; начало 1990-х гг. — начало 2000-х гг.), направления развития и формы проявления которых были обусловлены исторической обстановкой, борьбой конструктивных и деструктивных элементов (Денисевич М. Индивидуальное хозяйство на Урале (1930–1985 гг.). 1991; «Продовольственная безопасность Урала в XX в. Документы и материалы»: Т. 1, 2. 2000; «Аграр-

ное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX вв.: проблемы источников и историографии». 2007; Баранов Е., Корнилов Г., Лабузов В. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934. 2009; «Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII–XX вв.: макро- и микропроцессы». 2010; и др.).

Демографическая история Урала в XVIII–XX вв. представлена в ряде монографий и сборников статей («Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. (Историко-социологический подход)». 2000; Голикова С. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX вв.: демографические процессы. 2001; Оруджиева А. Формирование системы городов Урала в двадцатом столетии. 2005; «Китайские рабочие на Урале в годы Первой мировой войны. Документы и комментарии». 2010; Михалев Н. Население Ямала в первой половине XX в. Историко-демографический анализ. 2010; «Исторические аспекты воспроизводства населения Урала в XVIII–XX вв.». 2011).

Особо следует выделить сборник статей «Исторические аспекты воспроизводства населения Урала в XVIII–XX вв.», где показана динамика рождаемости, смертности, социально-демографическая политика, демографическое поведение и сознание регионального сообщества. Методологической базой исследования стала концепция демографического перехода, первый этап которого завершился на Урале к середине 1960-х гг., когда произошла смена типа воспроизводства, изменилась ценность детей, сократилась рождаемость. Заслуживает внимания и монография Н. Михалева, в которой на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов исследуются различные аспекты демографического развития Ямало-Ненецкого автономного округа в первой половине XX в. В работе впервые представлена динамика численности и этнического состава населения Ямала; на основе массовых источников определены основные показатели его воспроизводства на протяжении длительного промежутка времени; изучены экзогенные и эндогенные факторы трансформации половозрастной и этнической структур; выявлена особая роль экзогенного воздействия принудительных миграций на демографическое развитие региона, в частности проанализировано влияние Великой Отечественной войны и масштабных насильственных переселений, значительно трансформировав-

ших половозрастной, этнический состав населения края, а также изменивших его численность.

Историками уральской академической школы выявлены особенности модернизации на региональном уровне («Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Евразийского Северо-Востока, Урала и Сибири». 2002; Зубков К., Побережников И. Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.). 2003; «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв.». 2004; «Территориально-экономическое управление в России XVIII — начала XX вв. Уральское горное управление». 2008; «История Ямала». Т. 1, 2. 2010. Гл. ред. В. В. Алексеев). Значимость этих публикаций заключается в том, что в них на региональном уровне прослежено действие факторов, механизмов и агентов российской модернизации, выявлены модели отраслевого управления, взаимодействия властных и общественных структур, региональных вариантов индустриализации, межрегиональных экономических связей, причудливое переплетение традиций и новаций в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах.

На общем фоне публикаций по региональным проблемам выделяются монографии «Азиатская Россия...», которая представляет собой первое комплексное исследование истории регионов азиатской части страны на протяжении 400 лет их развития в составе Российского государства; «Проблемные регионы ресурсного типа...», где совместными усилиями историков и экономистов доказана возможность использования регионального исторического опыта для решения современных проблем; «История Ямала», являющаяся первым крупным академическим исследованием развития арктического региона с глубокой древности до конца XX в. в контексте российской цивилизации.

Важные результаты получены в разработке такой проблемы, как общество и власть в региональном измерении России. Среди публикаций по имперскому периоду выделяется монография В. Шкерина «Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I» (2008), в которой предпринята попытка проследить судьбу и политическую деятельность «нерепрессированных» декабристов, что является новым словом в декабристоведении.

Автор характеризует противоречия между тоталитаризмом эпохи и либерализмом во взглядах декабристов, оказавшихся на службе этого режима. При всей дискусионности такого подхода он, безусловно, заслуживает внимания историков.

Проблему «общество и власть» применительно к переломному рубежу российской истории рассматривают С. Постников и М. Фельдман в монографии «Власть и рабочие Урала в 1917 г.: очерки истории и историографии» (2011). Это исследование позволило определить, насколько социокультурный облик уральских рабочих соответствовал потребностям преобразований индустриальной сферы, каким образом в критической ситуации 1917 г. действовала власть в центре и на местах по отношению к рабочим и как они реагировали на свержение монархии, Временного правительства и на приход к власти большевиков.

Значительным достижением уральской исторической школы стало шеститомное научное издание «Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985 гг. (Пермский край, Свердловская, Челябинская области): документы и материалы» (2005–2008), где опубликовано свыше полутора тысяч документов, которые имеют несомненный интерес для ученых и широкой общественности. Большинство из них совсем недавно было рассекречено и представляет существенную часть историко-культурного наследия России. Не случайно французские ученые предложили провести презентацию этого издания в Сорбонне.

Заметным вкладом в развитие темы является коллективная монография «Советская политическая система в истории России: особенности геополитического и регионального развития» (2011). В ней проанализирован механизм становления и трансформации этой системы с 1917 по 1985 гг., показано ее противоречивое влияние на процессы развития российской модернизации, формирования командно-мобилизационной экономики, геополитических изменений международного характера, а также неоднозначное воздействие партийно-государственной власти на внешнеполитическую, организационно-административную и социально-экономическую сферы советского общества.

В том же плане можно рассматривать коллективную монографию «Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа» (2008), где

предпринята попытка исторического осмысления процесса формирования и эффективности действия системы государственного управления в советский период истории России. В книге дан исторический анализ взаимодействия государства и общества на региональном уровне, показан ретроспективный опыт функционирования партийно-государственной власти в Уральском регионе, механизм ее взаимодействия с высшим руководством страны, способы влияния на процессы мобилизации народных масс.

Наряду с трансформациями политического пространства в ходе модернизации, рассмотрена регионально-ориентированная модель гражданского общества, что позволило на примере уральского города проанализировать особенности городской жизни, обусловленные спецификой имперской российской модернизации. На конкретно-историческом материале удалось проследить, как под воздействием модернизации и ее субпроцессов (профессионализации, демократизации и рационализации) уральский город заметно прогрессировал на пути к гражданскому обществу, дифференцировались городские формы самоорганизации, шла постепенная замена (или трансформация) традиционных социальных институтов новыми, «модерными» институтами (Казакова-Апкаримова Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX — начале XX в. 2008). В коллективной монографии «Формирование сферы гражданской деятельности на Урале второй половины XIX — начала XX в.: социальный аспект» (2011) показана роль различных акторов в развитии сферы гражданской деятельности, под которой понимается совокупность внегосударственных отношений, где проявляют себя свободные граждане, принимая участие в общественной жизни, в деятельности добровольных ассоциаций и организаций (светских и церковных), органов местного самоуправления, выступая с теми или иными гражданскими инициативами.

В исследованиях наметились подходы к изучению проблемы взаимодействия модернизации и церкви как основы традиционного общества (Манькова И. Храм в сердце и памяти. Очерки истории Екатеринбургского Екатерининского собора. 2000; «История православия на Урале». 2005; Нечаева М. Единение во имя Христа. Православные общественные органи-

зации Среднего Урала середины XIX — начала XX вв. 2008; «Православие в судьбе Урала и России: история и современность». 2010; «История Екатеринбургской епархии». 2010 и др.). Проанализированы модернизационные процессы, происходившие на микроуровне Русской православной церкви в XVIII — начале XX в. (приходы, монастыри, религиозные общественные организации), показана специфика этих процессов: одновременность преобразований на различных уровнях церковной организации; незавершенность реформ; направленность преобразований в церковной жизни не на ликвидацию влияния Церкви в целом, а на аккумуляцию этого влияния в сфере духовной жизни человека. Данные выводы, а также исследование общественных религиозных организаций XIX — начала XX в. позволили пересмотреть сложившуюся в историографии концепцию глубокого кризиса Русской православной церкви в конце XIX — начале XX вв., показать процессы оживления церковной жизни на уровне локальных религиозных сообществ, искусственно прерванные революционными событиями. Введенные в научный оборот уникальные источники (Алексеев В., Нечаева М. Воскресшие Романовы?.. К истории самозванчества в России XX в. Ч. 1, 2. 2000, 2002) позволили проследить трансформацию сознания верующих в условиях разрушения религиозных сообществ и репрессий в советскую эпоху.

Участниками академической школы историков и привлеченными специалистами вузов, а также социально-экономических структур региона подготовлено и издано 5 энциклопедий. Они разнообразны по тематике, но их объединяет одно — они позволяют полнее представить историю Урала («Уральская историческая энциклопедия». 1988, 2000; «Металлургические заводы Урала XVIII–XX вв. Энциклопедия». 2001; «Екатеринбург. Энциклопедия». 2002; «Историки Урала, XVIII–XX вв.». 2003; «Атомные города Урала. Энциклопедия. Город Снежинск». 2009; «Атомные города Урала. Энциклопедия. Город Лесной». 2012).

Итоги. 1 февраля 2013 г. Институту исполнилось 25 лет — четверть века. За эти годы на его базе выросла авторитетная академическая школа историков Урала, которая получила международное признание. В штате Института насчитывается 60 научных сотрудников, из них два члена Российской академии наук, 20 докторов и 30 кандидатов наук. За годы его

существования ими было опубликовано более 300 монографий в российских и зарубежных издательствах, проведено около 150 научных конференций, семинаров и школ. Институт имеет аспирантуру и докторантуру, ученый совет для защиты докторских диссертаций, журнал «Уральский исторический вестник» по списку ВАКа России. Научными исследо-

ваниями школы охвачены основные аспекты российской истории, публикации ее представителей дают возможность теоретического и фактического осмысления, с одной стороны, российской истории, с другой — региональной. Они могут быть использованы как в много-томной «Истории России», так и в освещении роли Уральского региона в прошлом страны.

Ключевые слова: *цивилизация, модернизация, капитализм, социализм, либерализм, индустриализм, регионализм, диффузионизм, факторный анализ, математическое моделирование, исторический опыт*

Veniamin V. Aleksejev

Academician, director Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: istor@uran.ru

THE URAL ACADEMIC SCHOOL OF HISTORIANS
(the 25th anniversary)

The paper gives a review of the emergence and the evolution of the Ural School of Historians which was formed on the basis of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of RAS. In the early years (1988–1999) its research focused mainly on the history of traditional segments of economy and culture of the region, the demographic processes, the region-specific and other issues. Its main goal was the overcoming of obsolete conceptual approaches and transition to a higher level of abstraction in the analysis of historical material. At the next stage (2000–2012) the theoretical issues of historical process, the understanding of the Russian history from the perspectives of civilizational specifics of the Russian modernizations gained priority. The research agenda covered the factor analysis, the mathematical modeling of social transformations, the correlation between innovation and traditions. During that period a number of fundamental research papers were published, as well as over 300 monographs in the Russian and international academic press. The school's publications offer an opportunity for both the theoretical and the factual understanding of the Russian national and regional history.

Key words: *civilization, modernization, capitalism, socialism, liberalism, industrialism, regionalism, diffusionism, factor analysis, mathematical modeling, historical experience*